

ПТИЦА ПЕГАС

ПТИЦА ПЕГАС

Пока мы живы, нас никто не слышит.
След на снегу крестом привычно вышит,
небесное раскрылось шапито.
Известно всем, что правды нет и выше,
а что там наварили нувориши,
они нам не доложат ни за что.

За стаей стая — небо разомлело.
И непонятно: где душа, где тело.
И даже если песни щебетать —
причудливо, бездарно, неумело,
о воздух спотыкаясь то и дело,
не выйдет повернуть с арены вспять.

И зрители в беспальные ладони
захлопают, и голос мой потонет
в сугробах и под купол не взлетит.
В благообразном пряничном притоне,
в тяжёлой позолоченной попоне,
как ни крути — а дышится навзрыд.

* * *

Чужой язык — насилье над судьбою,
когда перевалило ей за сорок.
И каждый звук уже дается с бою,
одолевая бессловесный морок.

Прими его и ни на что не сетуй.
Молчание? Оно для нас не ново.
Кати, кати, колёсико по свету,
лети, лети, несказанное слово.

* * *

Теперь я буду жить, не зная,
ты на земле или в земле.
Органа дудочка резная,
и звук летит навеселе.
Войдёшь — и гулкий шаг немеет,
в притворе не видать ни зги.

Душа молиться не умеет,
просить не смеет: помоги!
Страна чужая, как страница,
где письменна не разберёшь,
Здесь пропадёшь, как говорится,
вот так, за здорово живёшь.

Жмёт органист на все педали:
басы, что звери взаперти,
ревут — и разом вдруг устали,
и нет ни звука впереди.

А поле тишины глубоко,
на нём ещё — ни борозды.
Оно молчит в руках у Бога —
как ты...

ГЕРМАНИЯ

1.

Картина в выставочной раме —
утеха опытному глазу.
Кромешный рай не за горами —
всё зацветёт, как по заказу.

Пусть запах затхлого веселья
привычно ноздри искушает.
Глотну ворованного зелья —
оно, увы, не утешает
в минуты сонного похмелья...

2.

На поле, сытом и чужом,
что не вспахать и не засеять,
смертельную игру затеять,
по горлу провести ножом.

И страшно, страшно не бояться
тех снов, которые нам снятся
в объятьях сумрачной земли,
где мы родиться не смогли.

* * *

Под грузом вер, любовей и надежд,
под ветром их неровного дыханья —
в Москву, в Москву! Пусть через Будапешт
или Бомбей. Урок чистописанья
давно закончен. Вольность не порок.
Зачёркнуто всё то, чем дорожила.
Вот Бог, я повторю, а вот порог,
а вот, гляди-ка, золотая жила.
Споткнёшься о неё на склоне лет —
на ягодицах скатишься со склона,
совсем как тот вечнозелёный шкет,
что весел и бесстрашен. А с амвона
небесного — бегущею строкой —
за словом слово и за птицей птица.
И, кажется, едва взмахнёшь рукой...
А не летится больше, не летится.

* * *

То ли плачет, то ли спит,
то ли сказку говорит,
всё равно, как ни таится,
получается навзрыд.

Даже если пьян и сыт
или если битым бит, —
над землёю, будто птица,
впереди себя летит.

* * *

В расщелину меж бытиём и бытом —
разлаженным, раздёрганным, разбитым,
в дыру озонную, заветную войти,
оскальзываясь в космосе открытом,
склоняясь над распластанным корытом,
понять: иного нет у нас пути.

Известно — где по плану остановка.
Стрелять неловко, но в руках винтовка.
И цокает небесная подковка,
и никого нельзя предостеречь.
И на ладони божия коровка,
мычит — и в небо целится, плутовка.
Добытчик резвый, где твоя сноровка?
О чём бишь я? Да не о хлебе речь!

Где родина? И гнётся знак вопроса.
Так отнимают душу без наркоза.
Так рассуждают твёрдо и тверёзо,
покачиваясь, превращаясь в прах.
И просто всё, как во поле берёза.
Кобыле легче, если баба — с воза.
Щекочет ноздри вешний дух навоза,
и птица-тройка жмёт на всех парах.
Куда? Ну, не даёт она ответа.
Меня ссадили: езжу без билета.
Конец туннеля, а быть может, света.
И больше не захватывает дух.
А ночью вспомнишь: возлюби соседа, —
и любишь всех подряд в порядке бреда.
И не припомнишь Нового Завета,
покуда трижды не споёт петух.

* * *

Очертанья жизни резки.
Кот висит на занавеске,
оттопыривая ус,
и поёт — вошёл во вкус.

Очертанья жизни скудны,
и желания подспудны.

Океан ушёл в песок —
еле слышен голосок.

Шёпот, робкое дыханье —
вот награда за старанье.
И щебечет соловьём
кот усатый день за днём.

* * *

Вот в кабинете чья-то голова
стоит и не мечтает ни о чём.
Она давно забыла все слова,
она не в силах вспомнить, что почём.

Какой-то друг степей её ваял,
поглядывая сонно на часы.

И взгляд её бесцветный тих и вял,
и нет в нем Божьей трепетной росы.

Она кричит, открыв беззвучно рот.
Заразна и бесстыдна, как болезнь,
к искусству тяга. И невпроворот
голов, провозглашающих: «Аз есмь!»

* * *

Чтобы мужа ублажать,
надо сеять, а не жать,
по разомкнутому кругу
надо радостно бежать.

Я-то знаю: поделом,
будет пусто за углом.
Дом немецкий, довоенный
предназначен был на слом.

На кого взвалить вину?
Я подкову не согну.
За ближайший угол дома
быстрым шагом заверну.

Не во сне, а наяву
в этом доме я живу,
где берёза у калитки
цедит солнце сквозь листву.

Потому что я слаба,
потому что не судьба
стать одной из тех немногих,
у которых два горба.

СОН

Чушь какая-то собачья:
голова на шее бычьей.
Я дала обет безбрачья —
есть у нас такой обычай.

Птичка Божья утром кычет
и глаза стальные пучит.
Если мне кричать приспичит,
пусть она меня научит —

распахнёт свой клюв, как двери,
и поможет мне, невежде.
Да воздастся всем по вере,
по любви и по надежде!

* * *

Какое счастье — я одна.
Мне снится этот сон убогий.
Меж нами — чёрная стена,
меж нами — неба спуск пологий.

Там ангел больше не летит.
Парит орёл, а может, решка.
И Бог с высот своих глядит,
и на губах его усмешка.

* * *

Перевожу на славянский тоску с санскрита,
самый последний грош за душою прячу.
Всё отпираю дверь, что давно открыта,
связкой ключей гремлю и беззвучно плачу.

Что я ищу? Не веру, а, может статься,
только её предгорье, её предтечу.
Сколько можно доверчиво улыбаться?
Сколько можно лицо открывать навстречу?

Нет, ничего, увы, не стерпит бумага.
Чиркну спичкой — руки над ней согрею.
Я, всеильная, сделать не в силах шага.
Я, бесстрашная, глаз приоткрыть не смею.

Перевожу с беспамьяства и молчанья,
перевожу со всех языков на свете —
на бессмысленный, грешный язык отчаянья,
за который я вечно буду в ответе.

* * *

* * *

Песнь песней перед закатом.
Зачем ты стараешься,
сидя на ветке,
глядя на колченогий город?
Роняешь перо за пером —
уже написана книга книг.

Простор хвалёных нечистот
лесов, полей и рек венозных.
Словесный собирай помёт,
жук-скарабей в размывах слёзных.

В хитоновой попоне лет,
в тупом сизифовом горенье
всё катит тучный шар поэт,
всё пишется стихотворенье.

* * *

За жизнью уходит жизнь, и потерян счёт
разбитым в кровь башмакам и рукам воздетым.
Как хорошо врагам воздавать почёт,
и выю гнуть, и верить столбцам газетным.

Взрывная помесь державного небытия
с бессмертием скипетра и дефицитом мыла —
вот моя родина, милые сердцу края,
где высыхают реки и чахнут чернила,

где мы, уже почти не дыша, следим
за каплей дождя, летящей, раскинув руки...
Вечной жаждой мучится Третий Рим,
и не идут из горла сухие звуки.

* * *

В конце концов, какое дело
вам до меня, а мне до вас?
Душа легко покинет тело,
с него не спустит зорких глаз.

А вы, надменные потомки,
махните мне платочком вслед:
Пегас, взлетая, рвёт постромки,
а я гоню велосипед.